

М. В. Трухина

ГАРМОНИЯ ПРИРОДЫ И ПРИРОДНЫЙ ХАОС В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Изучение мотивной структуры произведений Н. В. Гоголя представляет интерес для литературоведения. Специальных исследований, посвященных реализации мотивов гармонии и разлада в творчестве Гоголя, не предпринималось, чем и объясняется актуальность этой статьи. Цель работы – проанализировать проявления мотивов гармонии и разлада в природных описаниях произведений Н. В. Гоголя.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили произведения Н. В. Гоголя (циклы повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Петербургские повести») и исследования, изучающие мотивную структуру гоголевских произведений. Основным методом стал имманентный анализ мотивной структуры текста.

Результаты. Исследована реализация мотивов гармонии и разлада в художественных текстах Н. В. Гоголя, в частности в описаниях природы. Выявлен контраст между прошлым и настоящим, мечтой и реальностью, воплощенный в описаниях пышной великолепной природы (гармония, прошлое, сон) и тревожных, причудливых ландшафтов (беспорядок, хаос, настоящее, реальность).

Выводы. Изучение мотивов гармонии и разлада помогает лучше понять мотивную структуру произведений Гоголя, выявить доминантные значения, дополнить существующие исследования новыми выводами.

Ключевые слова: природа, барокко, хаос, гармония, Гоголь.

М. В. Trukhina

HARMONY OF THE NATURE AND THE NATURAL CHAOS IN THE ART WORLD OF N. V. GOGOL

Abstract.

Background. The study of motive's structure of works by N. V. Gogol is of interest to literary criticism. There have been conducted no special studies on the implementation of the motives of harmony and discord in the works of Gogol, hence this article is topical. The goal of the study is to analyze the manifestations of the motives of harmony and discord in natural descriptions in the works by N. V. Gogol.

Materials and methods. Implementation of the research task was accomplished on the basis of the works by N. V. Gogol (cycles of stories «Evenings on a farm near Dikanka», «Mirgorod», «St. Petersburg novels») and of studying the motive's structure of texts by Gogol. Methodological potential includes the immanent analysis of the motive's structure of works.

Results. The author investigated the implementation of the motives of harmony and discord in artistic texts by N. V. Gogol, in particular in the natural descriptions. The researcher identified the contrast between the past and the present, dream and reality, embodied in any of lush descriptions of magnificent nature (harmony, the past, the dream) and disturbing, bizarre landscapes (disorder, chaos, present, reality).

Conclusions. The study of the motives of harmony and discord makes it easier to understand the motive's structure of works by N. V. Gogol, to identify new dominant meanings, to supplement the existing researches with new conclusions.

Key words: nature, baroque, chaos, harmony, Gogol.

Первая повесть цикла Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» – «Сорочинская ярмарка» – открывается ярким, пышным описанием природы. Эпитеты, которые использует автор (упоителен, роскошен, неизмеримый, сладострастный, прекрасная), да и вся лексика, выбранная для описания жаркого летнего дня (блещет, нега, томительно-жарки, зной) рисуют необыкновенно цветущую, полную жизненных сил природу. Она ослепляет глаз своей красотой и мощностью, искрится разнообразными красками, и все в ней – роскошь. Гоголь, не скупясь, рассыпает изобразительные средства со всей щедростью, которую только можно представить. Здесь и метафоры («изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами», «чистое зеркало – река»), и эпитеты (золотые снопы, серебряные песни, влюбленная земля), и сравнения («темна, как ночь»), и риторические восклицания («Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!»). Обратим внимание на обилие метафор и эпитетов, связанных с драгоценными камнями и металлами – золотом, серебром, изумрудами, топазами. С чем только Гоголь не сравнивает восхитительно сказочную природу Малороссии, говоря о ее роскошном изобилии!

Однако такая живописная яркость красок, поистине великолепная роскошь и гармоничная целостность придают пейзажу долю нереальности, граничащую с фантастичностью. Гоголь создает в своем художественном мире определенный идеал: «Реальная природа Украины, жизнь реального народа, обыкновенная Диканька выступают у Гоголя волшебным преображенными в некий прекрасный мир, где царит любовь и добро побеждает зло, где лучезарно сияет солнце, <...> где все ярко и крупно до грандиозности» [1, с. 60].

Как верно замечает И. В. Карташова, фантастично-прекрасны не только сорочинские пейзажи, но и вся природа «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: Днепр – чуден и огромен – «без меры в ширину, без конца в длину» [2, с. 268], и «нет реки, равной ему в мире» [2, с. 269]; майская ночь – «божественная» и «очаровательная» [2, с. 159]; а скрип сапогов в морозную ясную ночь слышен аж «на полверсты» [2, с. 201].

Природные описания «Вечеров на хуторе близ Диканьки» сродни эстетике барокко. Барокко как стиль появилось на фоне кризиса идей Ренессанса в Италии XVII в. Ему свойственны контрастность, динамичность образов, стремление к величию и пышности, к совмещению реальности и иллюзии. Для барокко характерны любовь к метафоре и аллегории; витиеватые, пышные фразы («Девственные чащи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветреник – ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их» [2, с. 159]); игра со светом и тенью («еще ослепительнее вырезаются из мрака низкие их стены» [2, с. 159]); резкие контрасты («Чуден Днепр при тихой погоде» и «страшен Днепр» в бурю [2, с. 268, 269]). К какому бы признаку барочной эстетики мы ни обращались, найти его на страницах «Вечеров...» будет несложно.

Однако помимо большого числа сходных элементов есть один, существенно различающий стилистику «Вечеров...» и барокко. «На смену гармонической целостности и единству в представлениях барочного человека приходит всеобщая множественность» [3, с. 22]. У Гоголя подобной «множественности» нет в помине, напротив, в природе «Вечеров...» он воссоздает удивитель-

тельную гармонию, которой не хватало ему в реальном мире: «Ощущая мучительный разлад с действительностью, Гоголь стремится противопоставить ей красоту и силу человеческой мечты. <...> Это и обусловило то настроение радостного упоения и восторга, которое составляет лирическую основу “Вечеров...”» [1, с. 60].

В то же время не все в «Вечерах...» столь гармонично и прекрасно. Уже в «Сорочинской ярмарке» описанию жаркого летнего дня, гармонии малороссийской природы противопоставлены гул и хаос ярмарочной толпы: «Вам, верно, случалось слышать где-то валящийся отдаленный водопад, когда встревоженная окрестность полна гула, и хаос чудных, неясных звуков вихрем носится перед вами» [2, с. 115]. Появляются тревожные нотки: столпившийся народ напоминает вырвавшееся на свободу диковинное чудовище, постепенно подчиняющее своей власти все, что встречает на пути: «Не правда ли, не те ли самые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки, когда весь народ срастается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит?» [2, с. 115]. Волны хаоса вторгаются в упорядоченно-прекрасный мир, грозят поколебать его гармоничную невозмутимость и разрушить идиллическую красоту.

Восхитительной, пышущей здоровьем и многообразием красок природе, естественному миру противопоставлен образ порабащивающего все чудовища – толпы, социальной общности, что позволяет говорить о наследовании Гоголем традиций романтизма: «уже ранние романтики противопоставили сказку, в которой выражено “природное состояние самой природы”, окружающей социальной действительности» [1, с. 59].

Еще больший контраст роскошной ослепительной природе составляют небольшие пейзажные зарисовки в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». «Иван Федорович <...> сел в кибитку в то самое время, когда деревья оделись молодыми, еще редкими листьями, вся земля ярко зазеленела свежей зеленью и по всему полю пахло весной» [2, с. 288]. В природных описаниях здесь нет ни насыщенных красок, ни неожиданных сравнений. Они скудны, бедны цветами, неярки. Все вокруг серое, обыденное, ничем не примечательное: «Солнце давно уже зашло, когда он въехал с кибиткою и с жидом на постоянный двор. Этот постоянный двор ничем не отличался от других» [2, с. 289]. Таким образом, сияющая природа, предстающая перед нами в других повестях цикла, оказывается тем более блистательно прекрасной – этому способствует романтический контраст: «Гоголь очень ценил этот поэтический принцип» [1, с. 64].

В «Миргороде» уже нет буйства природных красок, столь характерного для вечеров. Пейзажи здесь гораздо спокойнее, однотоннее, сдержаннее. Однако иногда прорывается яркой волной многообразие цветов, растений, жизни: «Вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности...» [4, с. 59].

Но во втором цикле гоголевских повестей пышная и роскошная природа – всего лишь достояние прошлого. Она была такой когда-то давно – на-

пример, в Средневековье, как в «Тарасе Бульбе» («Чорт вас возьми, степи, как вы хороши!» [4, с. 59]). Дело в том, что Гоголь придавал Средним векам особое значение и место в истории. Он писал об истории того периода: «В самом деле, ее страшная, необыкновенная сложность с первого взгляда не может не показаться чем-то хаотичным, но рассматривайте внимательнее и глубже, и вы найдете и связь, и цель, и направление...» [5, с. 24]. Примечательно здесь отмеченное Гоголем взаимопроникновение хаоса и порядка: то, что с первого взгляда создает впечатление беспорядочного, сумбурного, зачастую обладает колоссальной внутренней гармонией, и наоборот.

Именно в истории Средневековья, в цельности ее мироощущения Гоголь видел гармонию и, говоря о тех далеких временах, о казаках, он возвращается к пышным витиеватым пейзажам.

Противопоставлены роскошной запорожской природе Средневековья виды современного Миргорода. В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголь вместо восхищения летним днем, майской ночью, как это было в «Вечерах», или степью – как в «Тарасе Бульбе», восклицает: «Чудный город Миргород! Каких в нем нет строений!» [4, с. 244]. Вместо живой, дышащей природы – бездушные предметы быта: горшки, шаровары, сорочки. И завершается описание «чудного города» восклицанием: «на ней [площади – М. Т.] находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа!» [4, с. 244]. Чудесный Днепр, который так масштабно и красочно описан в «Вечерах...» и «Тарасе Бульбе», уступает место большой луже, на которой сосредоточено внимание обывателей Миргорода. Картина подлинного величия, серьезно-сдержанное авторское восхищение уступают место насмешке, раздувшейся до размеров вола лягушке.

Это не единственное противопоставление прошлого и настоящего в «Миргороде». Жизнь Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны протекала в «живописном домике» [4, с. 13], была «необыкновенно уединенной» и текла размеренно и спокойно. Нет ярких красок, но природа все равно пышна и богата: клен «развесистый», черемуха «душистая», а сливы кажутся «яхонтовым морем» [4, с. 13]. Но идиллическая природная гармония – в прошлом, нет уже роскошных деревьев, которые изобилуют плодами, напоминающими драгоценные камни, а есть только «опустелое жилище», «куча развалившихся хат, заглохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик – и ничего более» [4, с. 14].

Подведем некоторые итоги. В «Миргороде» волшебной-прекрасной природе прошлых времен (средневековым степям, идиллическим пейзажам, окружающим старосветских помещиков) противопоставлены большая городская лужа, разруха и запустение, пришедшие в поместье Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны после их смерти. Но это контраст иного рода, чем в «Вечерах...», где обыденные и скучные природные картины «Ивана Федоровича Шпоньки» лишь подчеркивают сказочно красивые пейзажи Диканьки. В «Миргороде» живая, многообразная, величественно-прекрасная природа – достояние невозвратимого прошлого, в настоящем ее нет и быть не может, она – мечта: «между этими двумя мирами [мир народной фантазии или далекого героического прошлого и мир «раздробленного» настоящего] нет связи. Современная действительность может выглядеть лишь пародией на про-

шное» [1, с. 64]. В «Миргороде» контраст не столько подчеркивает красоту идеала, сколько свидетельствует о его несовместимости с настоящей действительностью.

Однако в «Вие» мы все же встречаем описание прекрасной необыкновенной природы. Когда Хома Брут катает на себе ведьму, перед ним открываются чудесные пейзажи: «Обращенный месячный серп светлел на небе. Робкое полночное сияние, как сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось на земле <...> трава, бывшая почти под ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и что сверх ее находилась прозрачная, как горный ключ, вода, и трава казалась дном какого-то светлого, прозрачного до самой глубины моря <...> голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенели» [4, с. 186]. Но, в отличие от майской ночи «Вечеров...», в этой ночи нет гармонии, в ней все перевернуто с ног на голову: «вместо месяца светило там какое-то солнце» [4, с. 186]. Сияние, красота природы – обман, иллюзия, вызванная нечистой силой, чтобы обморочить Хому. Ведь не зря после того, как он вспомнил заклęcia против духов и нечисти, «густая трава касалась его, и уже он не видел в ней ничего необыкновенного» [4, с. 187].

«Невский проспект», как и «Сорочинская ярмарка», открывается страннм описанием. Но только речь идет не о природе, а о городской улице, о центральной столичной магистрали. Здесь и разнообразные эпитеты («очаровательный»; «необыкновенным»; «непостижимым»), и неожиданные сравнения («даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским»), и гипербола («дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина»), и риторические восклицания («Чем не блестит эта улица – красавица нашей столицы!»), и многочисленные метонимии («здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью неизобразимые»; «здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда»; «А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте!»). Пестрота и яркость красок, бьющая ключом жизнь, пышность, блеск, очарование – все это создает гармонию Невского проспекта. Но она лишь внешне похожа на гармонию природы Диканьки. В «Вечерах...» пышность природы величественна, она умиротворяет. Роскошь же Невского проспекта суетлива, он заманивает, лжет, обводит вокруг пальца. Не случайно Пискарев встретил свою брюнетку именно на Невском проспекте: он обманывается, а поняв, что его мечта не соответствует действительности, гибнет. «Он лжет во всякое время, этот Невский проспект» [6, с. 46], его ложь разрушительна. Однако сам по себе Невский проспект прекрасен и гармоничен, все в его жизни совершается по определенному порядку и вызывает восхищение. Как же получается так, что внутренняя гармония этого места не помогает воцариться гармонии во всем мире, а, наоборот, вносит в него хаос и разлад? Все дело в том, что возникает несоответствие между настоящей действительностью и сказочной реальностью Невского проспекта. В той, иной реальности брюнетка – знатная дама, красавица. Но это лишь мечта, которой нет места в повседневности. Таким образом, противопоставление мечты и действительности, едва намечившееся в «Миргороде», еще ярче, рельефнее вырисовывается в «Петербургских повестях».

Мир светского Петербурга скучен, что не может не сказаться на его обитателях. Например, в «Портрете» Чартков теряет свой дар еще и потому, что не

может найти источников вдохновения в том мире, где он живет: «Мир, с которого он рисовал свои произведения, был слишком обыкновенен и однообразен, чтобы вызвать и возмутить воображение. Казалось, кисть его сама приобрела, наконец, ту бесцветность и отсутствие энергии, которою означились его оригиналы» [7, с. 550]. Реальность обыденна и одноцветна. В ней нет места про- странным живописным природным картинам и роскошным пейзажам.

Природа в произведениях Гоголя разнообразна и удивительна. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» пышные роскошные пейзажи поражают своей многоцветностью и удивительной гармоничностью; в «Миргороде» прекрасная природа – достояние прошлого, в настоящем же можно увидеть лишь запустение и опустошение. Принцип контраста подчеркивает противостояние мечты и действительности – разлад между ними усиливается в «Петербургских повестях», где гармония целиком переносится в мир мечты, которая порождает хаос и приносит разлад – зачастую гибельный – в жизнь людей, соприкасаясь с реальной действительностью.

Список литературы

1. **Карташова, И. В.** Гоголь и романтизм / И. В. Карташова. – Калинин : Изд-во КГУ, 1975. – 124 с.
2. **Гоголь, Н. В.** Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 1. – 556 с.
3. **Архипова, Ю. В.** Художественное сознание Н. В. Гоголя и эстетика барокко : дис. ... канд. филол. наук / Архипова Ю. В. – Екатеринбург, 2004. – 210 с.
4. **Гоголь, Н. В.** Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 2. – 764 с.
5. **Гоголь, Н. В.** Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 8. – 816 с.
6. **Гоголь, Н. В.** Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 3. – 728 с.
7. **Бестужев-Марлинский, А. А.** Сочинения : в 2 т. / А. А. Бестужев-Марлинский. – М. : Гослитиздат, 1958. – Т. 2.

References

1. Kartashova I. V. *Gogol' i romantizm* [Gogol and romanticism]. Kalinin: Izd-vo KGU, 1975, 124 p.
2. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete collection of works: in 14 volumes]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952, vol. 1, 556 p.
3. Arkhipova Yu. V. *Khudozhestvennoe soznanie N. V. Gogolya i estetika barokko: dis. kand. filol. nauk* [Artistic consciousness of N.V. Gogol and baroque aesthetics: dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Ekaterinburg, 2004, 210 p.
4. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete collection of works: in 14 volumes]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952, vol. 2, 764 p.
5. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete collection of works: in 14 volumes]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952, vol. 8, 816 p.
6. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete collection of works: in 14 volumes]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952, vol. 3, 728 p.
7. Bestuzhev-Marlinskiy A. A. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow: Goslitizdat, 1958, vol. 2.

Трухина Мария Викторовна

аспирант, Саратовский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: maruska-08@yandex.ru

Trukhina Mariya Viktorovna

Postgraduate student, Saratov State
University named after N. G. Chernyshevsky
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

УДК 821.161.1.09-31

Трухина, М. В.

**Гармония природы и природный хаос в художественном мире
Н. В. Гоголя / М. В. Трухина // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (29). – С. 143–149.**